

St.Petersbourg Centre for Oriental Studies

Центр "Петербургское Востоковедение"

聖彼得堡東方學中心

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

聖彼得堡東方學通報

**St.Petersbourg Journal
of Oriental Studies**

выпуск 1

volume 1

Издательско-Коммерческая Фирма
"ВОДОЛЕЙ"

Санкт-Петербург

1992

Альманах "Петербургское Востоковедение" издается по мере накопления материала, но не реже двух раз в год. Центр "Петербургское Востоковедение" выражает признательность фирме "ИНТ" за помощь в подготовке настоящего выпуска альманаха.

Редколлегия: И.Алимов (редактор-составитель)
Roger T.Ames (University of Hawaii, USA)
Stephen H.West (University of California, USA)
М.Родионов (Музей Этнографии им.Петра Великого)

Над выпуском работали: С.Сухачев, А.Ланьков, Н.Гурова,
О.Трофимова, Д.Ильин

Адрес для корреспонденции:
199034 Санкт-Петербург
Университетская наб.3
Музей Этнографии
им.Петра Великого
И.Алимов

Contact address:
Igor A.Alimov
Peter The Great Museum
of Ethnography
3 Universitetskaya nab.
St.Petersbourg 199034

tel: (812) 218 43 77
fax: (812) 218 08 11

Публикуемые материалы подвергаются исключительно техническому редактированию. Центр приносит свои извинения за недостатки настоящего издания.

- © Центр "Петербургское Востоковедение", 1992
- © St.Petersbourg Centre for Oriental Studies, 1992
- © 聖彼得堡東方學中心, 1992
- © И.Алимов, составление, 1992

☞ All rights reserved ☜

ISBN 5-87852-010-9

можно будет разыскать разрешение недоумений. Поскольку эту работу еще никто не проделал, укажу лишь на некоторые любопытные факты. Так, ассирийские источники упоминают землю Хавилум где-то близ истоков Евфрата. Они же упоминают гору Адину где-то в Урарту (совр. Турецкая Армения). Наконец, приток реки Арацани, впадающей в Евфрат, по-армянски называется Гьоник. Эти факты показывают нам, что сходные с библейскими топонимы не были чужды указанной выше территории, и что можно в будущем надеяться на более точную локализацию Эдемского сада, чем предложенная мной.

О.И.Трофимова

К истории семантики слова "книга"

Слова, известные языку с древнейших времен, подчас претерпевают столь глубокие изменения в семантике, что восстановить их первоначальное значение кажется невозможным. Пользуясь образным выражением Осипа Мандельштама, можно сказать: "...вокруг вещи слово блуждает свободно, как душа вокруг брошенного, но не забытого тела". Сказанное относится и к древнеславянскому слову "кънигы", важнейшему для средневековой культуры. Нам известна сумма значений этого слова, но не история развития его семантики. Настоящая работа - это попытка восстановить основные этапы этой истории.

Что касается происхождения слова "кънигы", то в настоящее время наиболее вероятной считается гипотеза финского языковеда-тюрколога Мартти Рясянена, возводившего слово "кънигы" к древнекитайскому "кюань" ("книжный свиток"). Последнее было заимствовано древними бесписьменными тюрками, от них перешло к прабулгарам, а затем к предкам южных славян. Тот факт, что слово "кънигы" первоначально не было известно всему славянскому миру, следует подчеркнуть особо. Общеславянский

язык был языком бесписьменным, поэтому неудивительно, что в нем отсутствовала соответствующая лексика. По мере разделения славянского мира, по мере возникновения устойчивых культурных связей бесписьменным славянам такая лексика потребовалась. И возникла она в результате общения с другими народами.

Восточные славяне, к примеру, передавали свое представление о письме и чтении (т.е. идею письменности в самом общем виде) словом "грамота", изустно заимствованным у греков (I, с.88-103). Западные славяне, чьи земли граничили с германскими территориями, с той же целью пользовались словом "боукъви" (от германского корня - *buk); наконец, южные славяне употребляли слово "кънигы". До появления письменности называемые выше слова были местными лексическими вариантами, имеющими почти тождественный семантический объем¹. Впоследствии слово "кънигы" стало общеславянским выразителем идеи письменности. И произошло это потому, что именно оно было использовано первоучителями славян - солунскими братьями Кириллом и Мефодием - при переводе церковных книг (Евангелия-апракос, Апостола, Псалтыри и Паремейника). В Евангелии, первом памятнике славянском письменном памятнике, все греческие слова с темой "письменность", по-славянски передаются только одним словом - "кънигы", причем всегда в форме множественного числа, даже если речь идет об одном предмете (7, с.357): это и собственно "книга,-ы" ($\eta \beta \acute{\iota} \beta \lambda \omicron \varsigma, \tau \omicron \beta \iota \beta \lambda \acute{\iota} \omicron \upsilon \nu, \tau \acute{\alpha} \beta \acute{\iota} \beta \lambda \iota \alpha$), и "писание,-я" ($\eta \chi \rho \alpha \upsilon \eta, \alpha \acute{\iota} \chi \rho \alpha \upsilon \acute{\alpha} \iota$), и "послание" ($\eta \epsilon \pi \iota \sigma \tau \omicron \lambda \acute{\eta}$), и также "буквы", "грамота" ($\tau \omicron \chi \rho \acute{\alpha} \mu \mu \alpha, \tau \acute{\alpha} \chi \rho \acute{\alpha} \mu \mu \alpha \tau \alpha$). Значение слова "кънигы" было поначалу предельно широко, ибо никакой славянской письменной терминологии тогда не существовало. Слово "писание" имело тогда значение "рисунок, набросок, изображение", слово "писмя" - "насечка, зарубка, черта". Новые значения у этих слов появились лишь в процессе переводческой деятельности учеников Кирилла и Мефодия, а именно в результате работы преславской школы перевода (Восточная Болгария, с начала X в.: 2, с.153-163). Хотя это кажется странным и непривычным,

слово "кънигы" не было в то время названием определенного предмета, оно могло обозначать любой записанный текст, безотносительно к его объему и содержанию, состоящий из ряда читаемых (!) письменных знаков, и даже само умение читать и писать². Это умение ("оумѣти кънигы") вызывало восхищение у древних людей. Многие народы считали письменность даром богов. Поэтому не явление книги, но появление письменности было важным для славян.

До появления письменности в значении слова "кънигы" не разделялись книга как предмет и помещенные в нее тексты, а также составляющие эти тексты буквы. На юге славянства слово "кънигы" означало все то, что содержало записи и сами записи, т.е. запечатленные тексты. Аналогичные процессы можно наблюдать и в лексике других народов, переходящих от бесписьменной эпохи к эпохе письменной: в готском переводе Библии, выполненном в IV веке епископом Ульфиллой, все греческие слова, выражающие идею письменности, передавались тоже одним общим словом и тоже в форме множественного числа (bōkōs от bōka).

Образ записанного текста расчленился в коллективном сознании новопросвещенного славянства постепенно, следуя развитию книжной культуры. В итоге за словом "кънигы" закрепляется в качестве основного значение "материальный предмет, содержащий писания, письмена, за словом "писание, -я" - "текст, помещенный в книгу" и, более широко, "Св.Писание" (как текст текстов), за словом "писмя, письмена" - "письменные знаки, составляющие текст" (подробнее: 5).

К XI веку, как отмечалось в науке, семантика слова "кънигы" (или "книгы", так как к этому времени полугласный звук "ъ" выпадает из первого слога) сузилась до значения "отдельная рукопись". Однако подобное значение еще весьма сильно отличалось от современного, ибо в любом случае речь шла о рукописи как о собрании писаний и письмен, что нашло отражение в выходных записях писцов, сообщающих о времени и обстоятельствах создания той или иной рукописи. Типичная формула выходной записи XI-XIII вв.: "написаны быша книги сия",

хотя речь идет об одной рукописи. С современной точки зрения, мы имеет труднообъяснимый парадокс, ключ к пониманию которого дает, пожалуй, разница между современным и старым восприятием книги. Ведь и книга тех времен резко отличалась от современной. Во-первых, ее писали от руки. Во-вторых, она представляла собой сборник. Весьма редко можно было найти произведение одного только автора, или произведение в виде отдельной книги. Даже если под одним переплетом помещался текст однородного содержания (так было в случае с богослужебными книгами, с которых началась славянская письменность), он все равно был собранием записей и букв. К тому же средневековый текст шел непрерывно, без разделения на слова, предложения, абзацы. Но даже самый однородный текст был функционально расчленен. Так, текст Евангелия - апракос состоял из ряда отрывков, читаемых в церкви в определенные дни. Эти отрывки существовали одновременно отдельно и слитно, составляя "сия книги Евангелие". В данном случае слово "Евангелие" есть имя книги, идентифицирующее и объединяющее входящие в нее тексты. Следует подчеркнуть важность настоящего наблюдения: в XI веке слово "книги" имеет еще диффузное, связанное значение. в нем не различаются содержащее и содержимое, причем акцент падает на последнее, т.е. подчеркивается множественность составных частей книги, и, значит, мы можем говорить, что зрительный облик вещи (или, вернее, представление о вещи, соотносимое с ее внешним видом) непосредственно влияет на семантику слова. Однородность содержания и функции текстов, составляющих древнеславянскую книгу, а также увеличение самого числа книг вызвали постепенное смещение акцента на единство составных ее частей, произошел метонимический сдвиг с содержимого (писания и письмена) на содержащее (корпус, куда они входят). Результатом этого сдвига явилось появление у слова "книги" формы единственного числа, и именно для обозначения отдельного конкретного предмета. И тогда в сочетании "книги сия Евангелие" слово "Евангелие" перестало быть именем книги, знаменующим ее отдельность и собирающим ее в одно целое, а стало ее названием: "книга сия Евангелие".

С XIII века в южнославянских рукописях, а к концу XIV века и в древнерусских, сменился вариант выходной записи, и на месте формы множественного числа воцарилась форма единственного числа: "написана бысть книга сия" (подробнее: б).

Интересно отметить, что при проведении в конце XIV века книжной sprawy и в евангельском, и в апостольском тексте было разграничено употребление форм единственного и множественного числа от слова "книги". На месте греческого $\tau\acute{\alpha}$ βίβλια была оставлена форма "книги", а на месте η βιβλος, $\tau\acute{o}$ βιβλίον всюду появилась форма "книга". Остальные греческие слова, для передачи которых ранее употреблялось слово "книги", получили иной, более адекватный перевод, которые больше соответствовал сложившейся традиции.

В истории развития семантики слова "книги" следует отметить три последовательных этапа:

1. IX-XI вв. - этап семантического расчленения слова "книги". В это время у слова "книги" появляются лексические варианты, за которыми закрепляются выделившиеся из него значения, в результате чего семантика этого слова, родового гиперонима слов с темой "письменность", резко сужается.

2. XI-XIII вв. - этап дальнейшей дифференциации значений, на сей раз внутри слова: а) книга как материальный предмет; б) содержание книги. Для передачи первого значения возникает форма единственного числа.

3. XIV век - этап выработки понятия "книга", отвлеченного от чувственного образца.

Таким образом, в XIV в. слово "книга" существует уже в значении, сходном с современным.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Что нашло отражение в исторических словарях, где семантика слов "боукъви" и "грамота" много шире, чем в настоящее время (например, 4, вып.4, с.148; вып.16, с.91-92; ср.: 3, с.119-120).

2. Обычно высказывается мнение, что древнеславянское слово "книги" было многозначным, и древнейшее его значение - "буквы, письмена", и скорее всего, поэтому слово употреблялось преимущественно во множественном числе.

Однако поначалу оно употреблялось только во множественном числе, и значения, составляющие это слово, не были сколь-нибудь отграничены друг от друга. Более того, их вряд ли можно было выделить. Древнеславянское слово "кънигы" в том виде, в каком оно зафиксировано в первых письменных памятниках, представляет собой смысловую синкрету. Это слово-гипероним, символизирующее письменность вообще.

ЛИТЕРАТУРА

1. Львов А.С. К истории слова "грамота" в древнерусской письменности// Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966.
2. Львов А.С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966.
3. Карский Е.Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928.
4. Slovník jazyka Staroslověnského. Praha, 1958. Vol.1, sq.
5. Трофимова О.И. О первоначальном объеме понятия "кънигы" в *Slavia orthodoxa*//Человек. Культура. Философия. Вып.1: Культуры в диалоге. Свердловск, 1991.
6. Трофимова О.И. О развитии понятия "кънигы" - "книга" //Человек, Культура. Философия. Вып.2: Острые грани духовности, Свердловск, 1992 (в печати).
7. Jagič V. Entstehungsgeschichte der kirschenslavischen Sprache. Berlin, 1913.

И.А.Алимов

О сне в представлениях китайцев

Все, о чем будет сказано ниже, является плодом предварительных наблюдений над китайской сюжетной прозой сяошо (小説), включая сюда и новеллы чуаньци (傳奇) и сборниками бицзи (筆記) преимущественно VII-XII вв. Поэтому эти наблюдения справедливы лишь для книжников, создававших и читавших сяошо, то есть входят в менталитет образованной части старого китайского общества. В какой мере широкие слои населения, часто не знающие грамоты, были знакомы с этими представлениями, судить трудно.